

Виталий Ольховиков

Ченч-2.0

Зазеркалье

Виталий Ольховиков
Ченч-2.0. Зазеркалье

«Издательские решения»

Ольховиков В.

Ченч-2.0. Зазеркалье / В. Ольховиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853974-9

Что-то пошло не так. Пространственно-временной континуум, изменивший ход истории, разрушил представления о добре и зле. Жажда власти. Контроль над обществом. Двойник президента. Приключения и мистика. Почему так случилось? Кто управляет государством? «Кто в нём лётчик-пилот, кто в нём давит на педали?» Вы обо всём узнаете, прочитав эту книгу...

ISBN 978-5-44-853974-9

© Ольховиков В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвёртая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ченч-2.0 Зазеркалье

Виталий Ольховиков

© Виталий Ольховиков, 2017

ISBN 978-5-4485-3974-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эту удивительную историю мне рассказал сосед по лестничной клетке – некто Баринов, бывший патологоанатом, а ныне пенсионер. Гулял он однажды по загаженному берегу реки с собакой и среди пластиковых бутылок и грязных пакетов увидел торчащую из песка странную металлическую полусферу, оплавленную, как метеорит, и довольно внушительного размера. Выковырять её из песка с первого раза не удалось, и сосед уже на другой день явился туда с лопатой и дачной тележкой. К слову будет сказано, что сосед слыл человеком довольно любопытным и странным.

Привёз, значит, сосед этот непонятный шар к себе в огород, долго пытался его открыть, но металл оказался довольно твёрдым. И только через две недели ему удалось наконец-таки открыть этот загадочный предмет. То, что он обнаружил внутри, повергло моего соседа в крайнее изумление. Оказалось, что в шаре том было инопланетное послание!

Послание состояло из универсального переводчика, информационного носителя и металлической фляги с неизвестной жидкостью, которую он позже идентифицировал как очень неплохой коньяк.

Переведя послание на русский язык, сосед изумился ещё больше. Оказалось, что инопланетный разум очень похож на разум наш! И эти разумные существа с маленькой, ещё не обнаруженной учёными планеты из созвездия Ориона, вращающейся вокруг красного сверхгиганта – Бетельгейзе, очень похожи на нас. И у соседа возникли подозрения, что та планета – наш двойник, только из другого измерения. Ведь даже многие города там называются так же, как и у нас. А инопланетные «люди» часто носят фамилии, похожие на наши фамилии. Но цивилизационный путь у них по каким-то причинам стал развиваться совершенно иначе. Увы, нет абсолютной симметрии не только в природе, но и в космосе. Что-то у них там разладилось, что-то исказилось. И сосед очень сокрушался, что эти наши двойники не могут жить так же счастливо, как и мы.

Вчера он наконец-то принёс обещанный носитель, подозрительно напоминающий нашу, земную флешку. И мы с ним, под инопланетный коньячок, прочитали, какие страсти кипели когда-то на планете, очень похожей на нашу Землю. Жаль только, что всё это давно в прошлом. Ведь как утверждал Барон Мюнхгаузен: «Время в космосе течёт иначе: там – мгновенья, тут – века...»

Глава первая

Он был в сознании. Лежал лицом вниз. И по звукам, по ощущениям пытался понять, что происходит и что с ним делают врачи. Ага. Укол. Вот зажужжала какая-то дрель, и он с ужасом осознал, что в его голове просверливают дырку. А потом ещё и ещё... Он попытался пошевелиться, но не смог.

«И предал я сердце моё тому, чтобы исследовать и испытать мудростью всё, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, дабы они упражнялись в нём», – вспомнились чьи-то пророческие слова. Он какое-то время ещё сопротивлялся вторжению, но вскоре мысли окончательно спутались, и он сдался. И в тот момент к нему явился Смотритель, и наступил полный паралич воли.

А потом откуда-то из глубины подсознания вдруг возник маленький мальчик с заплаканным лицом. Он совершенно не хотел драться, но Смотритель, облачённый в чёрное кимоно, всё кидал и кидал его на татами, и не было от него никакого спасения.

– Коля, Коленька, Коля, сынок! Не ходи туда, Коля, не ходи-и-и... – услышал он отчаянный крик матери, тонущий в леденящем душу хохоте Смотрителя...

Утром президент проснулся с головной болью. Тревожный сон, что минуту назад терзал его разум, стал блекнуть, распадаться на разрозненные фрагменты и быстро улечиваться. А вместе с ним исчезла некая архиважная подсказка, так и не успевшая поведать о чём-то сокровенном. Он всё ещё пытался ухватить её аморфное тело, но тщетно – сон распался, а мысль, молнией пронзившая было его пробуждающееся сознание, ушла куда-то в тело Земли.

Президент судорожно потёр лоб, поморщился, прислушиваясь к биению своего пульса, и рассеянно посмотрел на взъерошенную кровать, будто всё ещё надеясь увидеть её, подсказку, там.

Случайные обрывки фраз всё ещё метались в его голове: «Поторопитесь, у нас мало времени»; «Смотритель ждёт вас»; «Да, он был хорошим человеком», – вот, пожалуй, и всё, что осталось по эту сторону бытия.

Жуть!

Испарина выступила у него на лбу.

«Потустороннего мира мне ещё тут не хватало», – подумал он невесело.

Наконец, он стряхнул с себя остатки сновидений и под последний, ускользающий из памяти обрывок фразы: «Помолимся, братья, мы его чуть не потеряли» – фразы непонятной и зловещей, – решительно поднялся с кровати.

«Чертовщина какая-то!» – подумал он с раздражением. Интересно, что по этому поводу скажет его духовник?

Но жизнь брала своё, страхи быстро улечивались.

«А вот хрен тебе!» – погрозил он кулаком в окно неведомому ЗЛУ.

И всё же... Братья? Смотритель? Приснится же такая хрень...

Всё будет хорошо! Непременно. Наконец, отпустило, маятник кинулся в плюс. Однако, пора включаться в работу. К чёрту хандру, пора в спортивный зал. А потом его любимое – бассейн!

И вот утренний моцион исполнен, можно приступать к государевым делам!

Январь выдался тёплым, не оправдывая надежд на снежную олимпийскую зиму.

«Эх, снег-снежок, белая метелица», – промычал себе под нос президент, и вдруг мысли вернули его в детство. Вспомнилась снежная крепость и горка во дворе, варежки с налипшими

на них комьями, полные валенки снега – вот это была жизнь! И никаких «слушали – постановили», никаких совещаний и утомительных поездок. Ощущение абсолютного счастья и бесконечности его жизни, но всё это осталось в далёком прошлом.

«Всё-всё, работаем!» – приказал себе уже не человек с именем и фамилией президента, а собственно ПРЕЗИДЕНТ, решительно нажимая на кнопку вызова дежурного референта.

«Какой-то он у меня постный, – пронеслось в голове, – ни рыба ни мясо. Девушки таких вот увальней, скорее всего, не жалуют. Впрочем, он весьма предупредительный. И даже очень старательный. Что для его должности главнее главного. Но всё же до чего же он постный! Интересно, а как у него в личном плане? Девушки? А девушки потом!» – усмехнулся про себя президент. Наверное.

– Итак, я вас слушаю, – ввёртывая в референта свой нарочито строгий взгляд, приказал президент. – Но сначала ответьте на один личный вопрос. Вы когда в последний раз трахали женщину?

– Простите, господин президент... Не понял, господин президент? – стушевался референт.

– Что тут непонятного? Я плохо русским языком владею? Я вас спрашиваю, когда вы в последний раз имели женщину? Что вы так засмутились? Это же всё естественно – ну мужчина, ну женщина... Трахаются... Все мы люди, все мы человеки, и даже президенты... И ничто человеческое нам, президентам, тоже не чуждо. Мы так же ходим по-большому и так же, как и вы, пукаем! И золотого унитаза у меня нет – он такой же, наверное, как и у вас: обычный, с подогревом. Вот вы женаты?

– Холостяков на такие должности не назначают, господин президент...

– Понятно. Впрочем... Ваша личная жизнь меня не интересует. На то есть спецслужбы – личная жизнь сотрудников в их компетенции. А я вот, как вы знаете, в разводе... Нда. Так что... Считайте, что ваш президент – шутник. Шутник?

– Так точно, господин президент, шутник!

– Ну и славно! Докладывайте, что же там, в мире творится? И какие мероприятия на сегодня придумал для меня глава моей администрации. Только кратко.

– Сегодня у вас, господин президент, прощание с Ариэлем Израиличем. Потом награждение лауреатов государственной премии, потом встреча с послом Республики Науру, потом...

– Достаточно! Ариэль Израилич подождёт, лауреатов перенести на поздний срок, а с послом встретится министр иностранных дел, – перебил его президент. – Каков прогноз погоды в Сочи на ближайшие дни?

– Безоблачно, господин президент, лёгкий мороз, в горах – осадки, – бесцветным голосом доложил референт.

– Очень хорошо, спасибо. Свободны.

Он уже окончательно пришёл в рабочую форму: утренняя мигрень канула в прошлое, страхи растворились, всё складывалось, жизнь вновь была прекрасной. Внезапно, по нарастающей волне, вдруг возникла потребность доминировать. Подобное с ним случалось. Порой он подавлял в себе этот порыв, а порой разрешал ему овладеть собой...

– Мирской костюм и парик! – приказал он вошедшему по вызову лакею, приняв некое важное для себя решение – время настало.

Потайной лифт двигался быстро. Перед ним в зеркале лифта отражался пожилой мужчина в затемнённых очках, с длинными волосами, перехваченными на затылке тугим узлом. Телохранитель – сухощавый якут – выглядел вполне миролюбиво.

Глава вторая

Преодолев несколько потайных дверей, они наконец очутились в техническом туннеле метрополитена и, оказавшись на станции, благополучно смешались с пассажирами.

«Станция „Баррикадная“, следующая станция – „Улица тысяча девятьсот пятого года“», – раздался голос из динамика. Поезд тронулся, из темноты возникали и так же внезапно исчезали тусклые огни дежурного освещения подземки.

До Ваганьковского кладбища дошли пешком.

«ГУП „Ритуал“», – прочитал президент надпись на стене.

Перед входом остановились. Группа рабочих в чистеньких спецовках тянула вдоль стены кладбища силовую кабель, преграждая им путь. Пришлось подождать.

– Делай – раз, делай – два! – командовал старший, исподлобья поглядывая на зевак.

Наконец, миновав главный кладбищенский вход, они направились по центральной аллее к колумбариям. Около левого крыла остановились, осмотрелись, и дальше президент пошёл один.

И вот он – участок номер шестьдесят – в самом конце кладбища, у самого забора – сюда он приходил всякий раз, когда нужно было принимать важные решения, здесь он ощущал связь времён, здесь черпал, как это ни парадоксально, вдохновение – вот у этих трёх слегка припорошенных снегом безымянных могил.

Точка отсчёта. Первый указ. Он подписал его сразу же после своей инаугурации – указ о тайном перезахоронении вождей. Все, все они здесь! Вот под этой плитой лежат мощи вождя мирового пролетариата Венина. А вот здесь покоится великий и ужасный Станин.

А вот здесь... Здесь лежит ОН, ни имени и ни фамилии – просто – ОН!

В памяти вдруг всплыл тот жуткий и судьбоносный день. Тогда у него, двойника президента, неожиданно обострилась застарелая язва: скрутило так, что он не смог даже сесть в машину – боль была жуткой.

– Как только вам станет легче – догоняйте, – приказал тот, второй, настоящий. – Поставьте его на ноги, – это уже врачам.

И это были последние его слова, за минуту до того, как автомобиль президента подорвался на фугасе.

А потом вспомнился другой эпизод, после которого его жизнь, собственно, и стала другой. Тогда он, шутки ради, принял предложение попробовать себя на конкурсе двойников – мода на подобные шоу тогда ещё только начиналась. Коллеги по работе уговаривали: «Езжай, Николай, езжай, не пожалеешь – артистом станешь!»

«Ну, вылитый президент! – умилилась Надежда Петровна из бухгалтерии. – Ну просто как две капли!»

А он всё отшучивался: «Это президент на меня похож, а не я на него...»

Но в конечном счёте сдался: «Поеду, уговорили!»

Ну да, похож! Как китайцы – те все на одно лицо. Но он-то видел, что форма его ушей, подбородка, губ несколько отличалась от оригинала. Не сказать чтобы существенно, но для него – довольно заметно. И брови были более густыми, а ещё эти усы...

Но на конкурс двойников он прибыл гладко выбритым. Пришлось пожертвовать усами и поработать с бровями – это всё, что он мог в себе изменить.

Перед выходом на сцену к нему неожиданно подошли двое мужчин во всём чёрном и попросили следовать за ним. В их глазах было нечто, не терпящее возражений. И он повиновался.

Они даже подружились – президент и его двойник. И порой он, двойник президента страны, даже забывал, кто он есть на самом деле, позволяя себе принимать решения государственной важности. Так однажды, принимая посла Республики Наура, он позволил себе существенно отойти от протокола. И по окончании официальной части, где, вопреки ноющему в ухо суфлёру, он нагородил много отсебятины, вдруг предложил тому по завершении официальной части дринкнуть по маленькой, чем поверг в ужас своих кураторов.

В тот же вечер они изрядно наклюкались, а ночью, расположившись у бойницы кремлёвской стены, буквально в двух десятках метров от Боровицких ворот, распевали «Подмосковные вечера», до тех пор пока их настоятельно не попросила оттуда Федеральная служба охраны. И посол, прибывший с поручением денонсировать признание Южной Эритреи, так и уехал, не выполнив поручения своего руководства.

Однако, вскоре по стране поползли нелепые слухи, и президент несколько ограничил его появление на публике. А жаль!

Выходя из кладбищенских ворот, президент с удивлением увидел всё тех же рабочих, что тащили давеча силовую кабель. Только несли они его теперь уже в противоположную сторону.

– Делай – раз, делай – два, – всё так же деловито командовал старшой.

Чудные они, однако...

Всё же на душе его после посещения кладбища царило благодушие. Он получил то, за чем он и приходил, – умиротворение!

Около автомобильной стоянки толпились какие-то непонятные люди. Президент чуть замедлил шаг, пытаясь понять очередную несуразность, но странные люди тотчас засуетились, сомкнулись и разом повернулись к нему спиной, уставившись на какого-то рассказчика, тыкающего в небо указательным пальцем. Рядом с рассказчиком угадывался некий предмет, напоминающий телескоп.

– Он там, – убеждал рассказчик. – Я видел его собственными глазами!

В кабинете начальника службы охраны раздался звонок.

– Докладывайте, что с объектом? – приказал он.

– Объект сел в метро и в данный момент направляется в свою главную резиденцию, – раздалось в трубке. – Разрешите снять оцепление?

– Разрешаю снять оцепление, – ответил начальник службы охраны. – И обеспечьте надёжную встречу. Вечером жду доклад о готовности служб к завтрашней пресс-конференции президента.

Глава третья

– Господа журналисты! – послышался чей-то волевой голос. – Попрошу всех в конференц-зал! Доведу до вашего сведения протокол пресс-конференции.

Наконец все уселись. Лишь один мужчина, увлечённо фотографировавший иней на оконном стекле, никак не отреагировал. Он то вставал на цыпочки, то приседал, выбирая ракурс, и в глазах его сиял восторг.

– Господин журналист! Господин журналист! – зывал к нему председательствующий.

– Да-да! Да! – смутился журналист. И его благородное лицо стало растерянным.

– Вы...

– Внештатный фотограф газеты «Бежецкая жизнь» Жорж Малыхин, – представился он. – Я тут по квоте, – произнёс он с ещё большим смущением.

Пресс-конференция проходила штатно. Президент непринуждённо отвечал на заготовленные вопросы. Трамплины, отели, дороги, мосты... Он сыпал цифрами, и ему становилось скучно.

– Вот вы! – ткнул он пальцем во внештатного фотографа «Бежецкой жизни»...

Фотограф совершенно не был подготовлен задавать вопросы. Но он довольно быстро справился с возникшим волнением.

– Господин президент! – начал он, заметно нервничая. – Меня как профессионального фотографа, конечно же, остро волнует тема эксплуатации образа главы государства в средствах массовой информации. И не только там. Скажу так – не всё тут благополучно. Некоторые мои коллеги, к сожалению, не понимают значимости этого вопроса. В эпоху ренессанса России образ президента страны должен стать главной объединяющей скрепой...

– Так в чём ваш вопрос, господин журналист? – занервничал руководитель пресс-конференции.

– А вопрос у меня такой. Не пора ли журналистскому сообществу наконец-то выработать единое мнение на этот счёт? Считаю необходимым администрации президента инициировать конференцию на тему патриотизма в прессе.

– Вот вы этим и займётесь! – пошутил президент. – Инициатива, как вы знаете, наказуема.

– Напомните-ка фамилию того фотографа. Бежецк – это Тверская область, если мне не изменяет память? – обратился президент к секретарю по окончании пресс-конференции.

– Да. Тверская... Жорж Малыхин, «Бежецкая жизнь», кажется. Сейчас посмотрю, господин президент. Да, он самый.

– А скажите, господин Перст на пенсию часом не собирается? Впрочем, пусть ещё пока поработает.

– Есть у меня одна вакансия, господин президент...

– Я подумаю. А пока внесите-ка этого провинциального журналиста для начала в президентский резерв! Да-да. Так оно будет правильнее...

Бронированный автомобиль плавно нёсся по широкой автостраде – кортеж выехал за пределы кольцевой дороги и направлялся в сторону Майендорфского замка.

– А включи-ка, братец, музыку, – приказал он водителю.

«Оранжевое небо, оранжевое море, оранжевая зелень, оранжевый верблюд! Оранжевые мамы оранжевым ребятам оранжевые песни оранжево поют...» – раздалось из колонок.

«Какая гадость!» – подумал президент, и мысли его невольно вернулись к событиям в Киевграде. А события эти развивались драматично, не предвещая в обозримой перспективе

ничего хорошего. Рассыпались проекты, казавшиеся долгосрочными, стали неактуальными некоторые перспективные наработки, и теперь ему приходилось импровизировать, исходя из текущей оценки стремительно меняющейся ситуации, – и всё это напрягало.

Наконец приехали. После нудной пресс-конференции очень захотелось расслабиться и ни о чём больше не думать: ни о погодных катаклизмах, ни о пресловутой революции достоинства в соседней Пуповине, ни о приближающейся Олимпиаде. Пройдя в бассейн, президент скинул с себя одежду и с разбегу нырнул в изумрудную воду. Солнечные блики успокаивающе ласкали белое кафельное дно, но не думать о делах он не мог даже здесь, под водой. Бунтующий Киевград нигде не давал ему покоя – мысли крутились вокруг пресловутого майдана непрерывно, а дым от горящих крышишек уже снился по ночам, и от всего этого становилось на душе тревожно и неуютно.

Глава четвёртая

Олимпиада между тем приближалась неотвратимо. И, как бывает при осуществлении грандиозных проектов, приходилось лично вмешиваться в процесс, корректируя графики и перенаправляя денежные потоки. Увы, итоговые суммы, затраченные на эту стройку века, оказались впечатляющими, что конечно же негативно сказалось и на бюджете. Но затраты эти были всё же во благо, чего не скажешь о внешней политике – там деньги просто утекали в песок. Бездарь Янусевич проедал кредиты и тотчас просил следующие. Уподобляясь ласковому телёнку, сосущему попеременно двух тёлочек, он сталкивал лбами две части света, балансируя на гребне противоречий. Однако, синекура вскоре закончилась, и пришло время платить по счетам. Стороны потребовали определиться с приоритетами – геополитическая игра вступала в завершающую фазу.

«Лёгко на помине», – подумал президент с раздражением, поднимая трубку телефона.

– Беда, брат! – услышал он в трубке взволнованный голос Янусевича. – Ситуация выходит из-под контроля! Всё рухнет, всё трещит по швам! Революция на пороге, помогай, одна надежда на тебя!

– Что такое? – недовольно спросил президент. – Что случилось? А ведь я тебя предупреждал! Делиться надо было... Как это – ввести войска? Ты в своём уме? Значит, так – ты такого не говорил, а я не слышал! Понял? Что? Денег? Я же не дойная корова, в конце концов! Кредиты, кредиты... Ну, сколько можно злоупотреблять? Не в коня корм, не в коня...

– В коня, не в коня – потом разбираться будем! Не об этом нам надо с тобой сейчас думать – ведь революция на пороге! У нас же общая пуповина. А дурной пример заразителен: у меня разгорится – к тебе перекинется. Век воли не видать! Ты же и сам боишься, я знаю...

– Вот весь ты в этом – шантажист-вымогатель! Ну да ладно, – немного поостыв, смягчился президент. – я постараюсь разрешить часть твоих проблем. Часть! В силу своих возможностей, конечно... А что касается смуты, то я её, как и любой здравомыслящий политик, естественно опасаясь. Не допустить "майдана" в своём отечестве – вот важнейшая задача каждого ответственного руководителя. В чужом – можно... А порой даже и нужно... Шучу, не напрягайся старина... Но в вопросах касающихся базовых устоев, компромиссов вообще быть не может. И здесь приемлемы любые методы. Любые, вплоть до крайних, вплоть до применения оружия против смутьянов. И это уже не шутки. Это как – раз тот случай, когда средства оправдывают цель. И чем больше средств на это потрачено, тем стабильнее цель! Но заметь, я призываю тебя действовать исключительно своими силами. Своими, и никак иначе! Так что, про мои войска ты забудь, приятель, давай – ка сам разбирайся со своим майданом! Есть у меня правда некие соображения... Мне думается, что я знаю как помочь тебе переломить ситуацию. Но время пока ещё не пришло. Посмотрим, как будут развиваться события.

– А денег?

– Денег я тебе дам, так и быть, но в последний раз выручаю, учти!

– Спасибо, брат! Должник я твой по жизни, и видит Бог, я тебе ещё пригожусь, попомни моё слово. А эти? Завтра же их разгоню!

– Не поминай имя Божье всуе! Бог не выдаст – свинья не съест! Кстати, ты как насчёт жареного молочного поросёночка? – уже смягчившись, спросил президент. – Бросай-ка все дела, майдан никуда от тебя не денется, да подъезжай к нам в Сочи – завтра мы туда с премьером на инспекцию выезжаем. Лыжи, баня, преферанс...

– Спасибо, брат, выручил! Непременно подъеду! Ах, спасибо! Ох, выручил...

– Кстати, Лукавый тоже подъедет – обещал молочных поросят к столу. Уверяет, что свиноматок специально откармливали норвежским лососем.

– Так на какую сумму я могу рассчитывать? – начал было Янусевич...

Но президент уже повесил трубку.

Наконец, принесли аппетитного поросёнка, увенчанного флагами трёх государств. Один флаг был воткнут в туловище, другой в место, называемое у свиней шейкой, а третий в голову.

– Лукавый! Ты на что это намекаешь, а? – с хитрым прищуром спросил президент. – Значится, ты – это голова! Этот, – президент не глядя ткнул согнутым пальцем в сторону Янусевича, – шея! А я кто тогда? Потроха?

На скулах бывшего председателя колхоза заиграли желваки. Его рот превратился в куриную гузку, а усы устремились вниз.

– В каждой шутке есть доля шутки. Я понял тебя. Да, у нас в стране нет нефтяных скважин. Тем не менее, мы не пошли по миру с протянутой рукой. Вы посмотрите только: сельское хозяйство, дороги, промышленность – всё это развивается! А вашу нефть мы покупаем за валюту, – с обидой в голосе сказал он. – И, в отличие от некоторых присутствующих тут демагогов, я не гнушаюсь перетрачивать своё правительство лично, чтобы оно работало как следует. Все они вот у меня где! – показал он свой трудовой кулак. – И в стране у меня порядок был, есть и будет. Как в армии. Мы же не по понятиям живём, как некоторые, а по уставу! – кинул он свой укоряющий взгляд в сторону Янусевича.

– Да уж, куда нам! – промычал Янусевич пришибленно, ломая зубочистку за зубочисткой. – Это вы сейчас все такие умные. Посмотрел бы я на вас в другой ситуации... Когда за вами придут. От тюрьмы и от сумы, как известно, не зарекаются.

– Это вы о чём сейчас, уважаемые? – удивлённо спросил президент. – Шуток, однако, вы оба не понимаете. А приходят, как правило, за теми, кто так и не сумел наладить обратной связи со своим народом, кто брезгует работать с населением и гнушается СМИ.

Наконец, приступили к трапезе. Какое-то время все молча поглощали пищу, политика ушла на второй план.

Поросёнок удался на славу. Нежнейшее мясо с хрустящей золотой корочкой просто таяло во рту. Ели руками. Ароматные, ещё горячие узбекские лепёшки с белым кунжутом просто разрывали на куски. Запивали сухим красным вином.

– Что вы там у себя всё миндальничаете? – продолжил разговор Лукавый, насытившись. – Власть употребить, что ли, не в состоянии? Один с клоуном Нахальным разобраться не может, второй вообще страну свою в унитаз слил. А вот мне, скажу я вам откровенно, что на Европу эту, что на Америку – глубоко насрать! Пусть они интегрируются, сколько хотят, – мне плевать! Ну, называют они меня последним диктатором Европы, что с того? А я всё равно буду делать то, что считаю полезным для моего народа. Потому-то народ меня и уважает! И понимает! И боится! – закончил Лукавый, ловко откручивая румяное поросёнычье ухо.

Президент с завистью посмотрел на Лукавого.

А ведь он, пожалуй, прав. Игры в суверенную демократию, как показал опыт Пуповины, до добра не доводят – у нас особый путь.

Нахальный... Банный лист! При упоминании о последнем настроении у президента испортилось. Вот же слепень, а? Рука давно зудела прихлопнуть самозванца. Придёт время – закрою его лет этак на пятнадцать. А пока пусть покуражится. Он умел ждать и не умел прощать.

– Ну, вы тут пообщайтесь, а я, пожалуй, пройду немного, прогуляюсь по свежему воздуху, – промолвил президент, вставая.

Предстояла большая аналитическая работа. Новый геополитический ребус ждал своей разгадки. И ребус этот был не из лёгких.

Глава пятая

Ну до чего же тяжело было так рано вставать! Для лейтенанта Шмидта это было просто пыткой. По природе своей сова, он долго привыкал к подобному распорядку дня. Молодость требовала развлечений. Молодость протестовала. Она кипела, бурлила и бунтовала внутри него. Она требовала общения, приключений, любви и секса. Однако... Однако опаздывать на работу было ни в коем случае нельзя! Начальство категорически не принимало опозданий, не говоря уже о прогулах, поскольку он, офицер ФСБ, был причастен к секретнейшей операции, когда-либо проводимой его отделом, где ему отводилась самая что ни на есть ключевая роль – манипулятора-оператора команд.

Заходя в отдел, Шмидт столкнулся с капитаном Ягодой, шутником и балагуром. Тот был ветераном проекта, большим специалистом своего дела, неизменно пользующимся авторитетом у коллег, и большим патриотом организации, в которой он служил. Но карьера его почему-то складывалась не совсем удачно. Такая, видно, у него была планида. Хотя в целом он был человеком позитивным, незлобивым.

– Как успехи у подопечного? – спросил Ягода, поздоровавшись.

– Да как-то так, – неопределённо пожал плечами Шмидт. – Пока тестирую. Подопечный реагирует адекватно, бросил курить и уже не ругается матом – прогресс налицо. Работаю, в общем... Только вот я иной раз думаю – а на кой чёрт такие сложности? Неужели трудно найти объект, изначально отвечающий заявленным требованиям? Их же пруд пруди! Натаскать, подготовить, на крючок посадить – всё, как учили, прописные же истины, к чему такие заморочки, приятель?

– Э-э-э, брат! Не всё так просто! Чужая душа – потёмки! Вот кто бы мог подумать, что клоун, пляшущий гопака перед Вождём народов, сможет так отвязаться? Волюнтарист, етид твою мать, как говорила моя бабушка. Или генсек, поставленный партией порулить годик-другой, будет рулить аж целых восемнадцать лет? Нет, дружище, всё должно контролироваться! От и до! Вот мой чудик – Лукавый – строит социализм с человеческим лицом, усами грозно порой шевелит, страшает... Не возбраняется! – широко улыбнулся Ягода, обнажив свои прокуренные зубы. – И выпендриваться мы ему позволяем, и гадостей наговорить – пусть потешится, болезный. Но соскочить? Не-е-ет! Теперь он уже никогда не соскочит. Ни-ког-да! Так что... Всё под контролем, коллега. И только так и должно быть! На то мы и ФСБ, и настоящая власть в стране принадлежит именно нам! И это правильно!

– Ты плохо кончишь, Ягода! Предчувствие у меня относительно тебя нехорошее. Что-то мне подсказывает, что умрёшь ты не своей смертью. Причём скоро...

– С чего ты взял? – Ягода натянуто улыбнулся. – Я, друг мой, дорогу всегда перехожу исключительно на зелёный свет! Я даже ромашки нюхаю в противогазе, да и тёщи у меня нет. А ты говоришь – скоро.

– Прости, бред какой-то несусь, не обращай внимания! Это как видение было, понимаешь? Как озарение... Прости ещё раз, не хотел тебя обидеть...

– Да ладно, проехали. А что касаясь смерти – то все мы под Богом ходим! А про видения свои лучше помалкивай, иначе уволят или, хуже того, в психушку упрячут.

– Считаю, что я ничего тебе не говорил.

– Обижает! И как же в твоём видении я с жизнью распрощаюсь, а? – не удержался Ягода. – Заинтриговал ты меня. При исполнении служебных обязанностей? Бытовуха? Кто посмел?

– Полицейский тебя застрелит... В магазине...

– Конкурирующая фирма? О как! Последнюю пачку индийского чая, что ли, не поделили? Видимо, не зря наши ведомства испокон веков враждуют между собой. Менты это... менты!

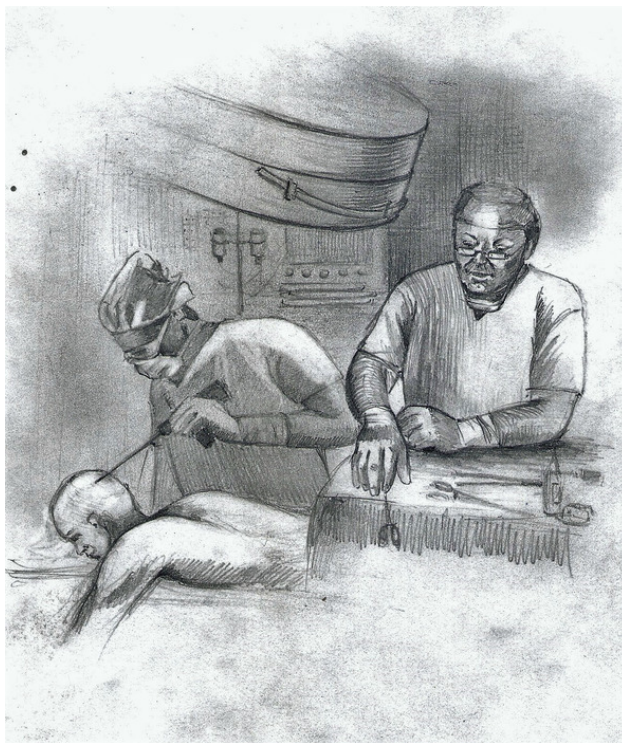
Глава шестая

«Однако, странно», – подумал президент. Как в той песне: «Всё, что было не со мной, – помню». Вспомнились курсы, которые он в шутку называл курсами по перевоплощению. Инструкторы, историки, психологи чередовали друг друга. Он усиленно изучал биографию первоисточника, изучал историю отечества и основы геополитики, учился кататься на горных лыжах и даже освоил дельтаплан. А потом – экзамены. И вновь инструкции, инструкции, инструкции... И так повторялось день ото дня. К учёбе же он относился самозабвенно. Но порой наступало пресыщение, мозг отказывался усваивать и раскладывать по полочкам получаемую им информацию.

– Ничего-ничего, – успокаивал его профессор. – Кто владеет информацией – владеет миром!

И вот однажды наступил момент, когда психологические и эмоциональные особенности, определяющие мировоззрение двух разных людей, стали соединяться воедино. И произошла такая метафизическая диффузия сознания.

Когда его привезли в Кремлёвскую клинику на Мичуринском проспекте, он недоумевал – зачем? Ведь он же совершенно здоров! Зачем же тратить драгоценное время на какие-то там обследования? Пустая трата времени, не иначе. Ну, разве что потом как-нибудь, в другой раз. Но руководство настаивало, и пришлось подчиниться.

– Вот. А теперь нам надобно закрепить успех, – подвёл итог доктор Робинталь. – Сейчас я сделаю вам коррекцию памяти, и вы станете умнее самого Эйнштейна! Хотите быть умнее Эйнштейна? Да? Я бы тоже хотел, честное слово! А для снятия нежелательных побочных эффектов, вы не переживайте, это не опасно, мы ещё немного над вами поколдуем. Вы в колдунов верите? Как нет? А я кто тогда?

Вспыхнули медицинские светильники. Президенту стало зябко.

– А теперь мы поможем вам перебраться на стол. Та-а-ак. Готово! И не волнуйтесь, доктор Робинталь знает своё дело! Доктор хороший!

Его накрыли простынями. Потом подключили какие-то медицинские приборы, трубки...

– Да умножающий знания – умножает печаль! – промолвил доктор Робинталь, перекрестив его. – Смотритель ждёт вас! Поехали...

Он был в сознании. Лежал лицом вниз. И по звукам, по ощущениям пытался понять, что происходит и что с ним делают врачи. Ага. Укол. Вот зажужжала какая-то дрель, и он вдруг с ужасом осознал, что в его голове просверливают дырку. А потом ещё и ещё... Он попытался пошевелиться, но не смог.

«И предал я сердце моё тому, чтобы исследовать и испытать мудростью всё, что делается под небом: это тяжёлое занятие дал Бог сынам человеческим, дабы они упражнялись в нём», – вспомнилось чьё-то пророческое изречение. Он какое-то время ещё сопротивлялся вторжению, но вскоре мысли окончательно спутались, и он сдался. И в тот момент к нему явился Смотритель, и наступил полный паралич воли.

Потом откуда-то из глубины подсознания вдруг возник маленький мальчик с заплаканным лицом. Он совершенно не хотел драться, но Смотритель, облачённый в чёрное кимоно, всё кидал и кидал его на татами, и не было от него спасения.

– Коля, Коленька, сынок, не ходи туда, Коля, не ходи-и-и... – услышал он вдруг отчаянный крик своей покойной матери.

– Увозите! – произнёс доктор Робинталь, снимая перчатки.

Он устал. Работа была кропотливой и сложной. Хотелось расслабиться, снять напряжение, выпить.

– Как прошла операция? – поинтересовался куратор в чёрном.

– Нормально прошла. Без осложнений.

– Можно докладывать руководству, что всё под контролем?

– Контроль – это ваша профессия. А я всего лишь хирург.

Переодевшись, он спустился в морг. Там скучал его старый друг – патологоанатом Митрич. Мрачный интерьер морга пробуждал противоречивые чувства. Но это было одно из тех немногих мест в клинике, где можно было без помех снять стресс: выпить, не опасаясь незваных гостей, и неспешно поговорить о сущности бытия.

– Как там твой ВИП-пациент? – с напускным безразличием спросил Митрич.

– Пока мой! – отшутился Робинталь устало. – Наливай, старый алкаш!

– Пили мы, мне спирт в аорту проникал.

Я весь путь к аэропорту проикал.

К трапу я, а сзади в спину будто лай:

«На кого ты нас покинул, Николай?» —

Напевал с хитрым прищуром Митрич.

– Ну что, принёс?

– Да, – сухо ответил Робинталь и положил перед Митричем нечто, похожее на вырванный с волосистой луковицей крупный конский волос. – Но учти, потомок Кулибина... Ежели кто про всё это прознает, – начал он, – нам обоим крышка! Нам этого не простят, друг мой!

– Не дрейфь, лепила! – оборвал его Митрич, и в глазах его появился озорной блеск. – Волков бояться – в лес не ходить!

– Ну Митрич, ну авантюрист, втянул же ты меня в историю... – Робинталь устало опустился на стул. – Пронюхают – нам же не жить! Обоим!

– Да не дрейфь ты! Мёртвые сраму не имут! – мрачно пошутил Митрич. – Это я тебе как профессионал говорю. Послушай-ка лучше, какое я намеренно накропал стихотворение:

Ночь. Тишина. Двое на крыше...
Под лунную дрожь затевают недоброе.
Всё медленней шаг, я ступаю всё тише
В предчувствии действия неблагородного

Мешок на перилах – все коты разбежались,
Покинули крышу, знать, чуют беду.
Лишь в лужах ночных силуэты дрожали,
Они с отраженьем своим не в ладу.

Паденье... Дыханье на миг перекрылось,
Я робко к предмету тому подхожу.
Мешок как мешок. Только сердце забилося:
Сейчас я узнаю... Сейчас погляжу...

Открыл. Развязал. А что делать – не знаю.
Стою под дождём вопросительным знаком.
Души людские в мешке том рыдают
«В сетке конвульсий» – (по Пастернаку).

Бульдозера траки бездушную плоть
В землю вдавили под пляски плебеев.
Крысиное пиршество вновь настаёт.
Время пришло – час пробил злодея.

И толстые твари роятся, ликуют,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.